

Покидая класс после классного часа, я обнаружил, что Хирацука устроила на меня засаду. Она стояла у дверей, как тюремный охранник, совершенно неподвижно, скрестив руки на груди. Если одеть её в камуфляж и дать в руки хлыст, это пошло бы ей как нельзя лучше. Ну да, когда школу сравнивают с тюрьмой, это не просто игра воображения. Аькатрас это, а то и Кассандра. Поскорей бы пришёл Спаситель Столетия. [□]Отсылка к «Fist of The North Star»

— Хикигая. Пора в клуб.

По спине пробежали мурашки. Чёрт. Кажется, меня сейчас арестуют. И если уволокут в комнату клуба — конец всем моим надеждам.

Высокомерная от природы Юкиносита не разговаривает, а словно ядом плюётся. Стерва она, а не красавица. Цундере? Ага, щаз. Натуральная ведьма.

Но надевшая равнодушную улыбочку Хирацука явно не собиралась позволить мне возражать.

— Пошли. — Она попыталась схватить меня за руку. Я увернулся. Она попыталась снова, а я снова увернулся.

— Ну, понимаете... Наша система образования должна развивать в учениках независимость... поэтому я хотел бы возразить против такого принуждения...

— К твоему сожалению, школы и институты предназначены для того, чтобы готовить из учеников полноценных членов общества. Как только ты выйдешь во взрослую жизнь, твоё мнение никого волновать не будет. Так что лучше тебе начать привыкать заранее, — заявила учительница, сопровождая свои слова размашистым ударом.

Её кулак врезался мне в живот с такой силой, что показалось, будто в него вогнали сверло. Дыхание прервалось. Хирацука тут же ухватила меня за руку.

— Ты ведь догадываешься, что будет, если снова попытаешься сбежать? Лучше не провоцируй меня.

— И где вы такому научились...

Хуже некуда.

Хирацука вдруг хлопнула себя по лбу, словно что-то вспомнив.

— Кстати. Попытаешься сбежать — засчитаю поражение в соревновании с Юкиноситой. Возражения не принимаются. Плюс к тому даже не думай тогда, что сможешь закончить школу.

Никак не вырваться. И думать нечего. Хирацука тащила меня за руку, громко цокая каблуками по полу. При прочих обстоятельствах можно было бы представить, что переодетая учительницей хозяйка косплей-кафе ведёт меня в своё заведение.

Но кое-что этому мешает. Во-первых, я ей ничего не плачу. Во-вторых, она меня не за руку ведёт, а за локоть тащит. А в-третьих, мне это совсем не нравится и не возбуждает. Ну, если не считать того момента, что мой локоть касается её груди.

И единственное место, куда она может сейчас меня тащить — это комната клуба.

— Знаете, не надо меня тащить, не собираюсь я никуда бежать. Я и сам могу дойти. Ну, я всегда всё сам делаю. А то, когда меня тащат, я нервничаю.

— Ты меня обижаешь. Вместе дойдём. — Учительница слегка вздохнула и улыбнулась. Эта улыбка так контрастировала с её вечно нахмурёнными на меня бровями, что мне стало страшно. — Если я позволю тебе сбежать, я сильно расстроюсь. Так что, чтобы этого не случилось, я тебя доведу.

— Это не оправдание!

— Видишь ли, мне и самой это надоело, но я тащу тебя, чтобы помочь тебе исправиться. Можешь считать это прекрасными узами любви между учителем и учеником.

— Это любовь? Да в гробу я такую любовь видал.

— Ну, это лишь доказывает, что ты и в самом деле испорчен, так ведь?.. Так что все артерии перекручены? Собираешься строить Мавзолей Святого Креста?[]Отсылка к «Fist of The North Star»

Да ты и впрямь без ума от манги...

— Будь ты помягче, был бы гораздо симпатичнее. Как можно жить с таким перекрученным взглядом на мир?

— Мир отнюдь не полон света и любви. Если бы в обществе господствовало мнение, что надо всегда быть счастливым, Голливуд не снимал бы трагические фильмы, правда? Кто-то находит радость и в трагедиях.

— До чего ж типичное для тебя высказывание. Цинизм, конечно, не редкость в юношеском возрасте, но у тебя это уже болезнь. Болезнь одиннадцатого класса, конибыё.[]Буквально «болезнь второго класса старшей школы», когда ученики становятся сверхзастенчивыми

Хирацука широко улыбнулась, заявляя о моём «нездоровье».

— Эй, а не слишком ли грубо меня больным обзывать? И что это ещё за «конибьё»?

— Тебе манга и аниме нравятся? — сменила она тему, не обращая внимания на мой вопрос.

— Ну, не буду утверждать, что не нравятся.

— И почему они тебе нравятся?

— Ну, потому что... это образец японской культуры. А также часть массовой культуры, признанная гордость Японии. Разве не было бы странно это отрицать? А учитывая увеличение внутреннего рынка, нельзя и экономику игнорировать.

— Понятно. А что насчёт литературы? Кейго Хигасино, Коутару Исака и им подобные?

— Я их читал. Но честно говоря, мне нравятся книги, что они написали до того, как стали популярными.

— А какие серии ранобе тебе нравятся?

— Гагага... и Коданса Бокс. Хотя не знаю, можно ли считать что публикации Коданса Бокс — это ранобе. А почему вы спрашиваете?

— Видишь ли... Ты в полной мере оправдал мои ожидания. И не в хорошем смысле. Великолепный образец конибьё.

— Да что это за конибьё такое?

— Конибьё — это просто конибьё. Такое состояние ума, встречающееся у старшеклассников. Они думают, что быть циничным — это круто. И выражают популярную в интернете точку зрения «будешь работать — проиграешь системе». Говоря о популярных писателях и мангака, они заявляют «мне нравятся книги, что они написали до того, как стали популярными». Они смеются над популярными вещами и хвалят неизвестные. И в довершение всего высмеивают отаку, хотя сами такие же. Делают вид, что всё понимают, но демонстрируют извращённую логику. Отвратительные типы, как правило.

— Отвратительные... Блин! Настолько всё в точку, что и возразить нечего!

— Нет, на самом деле я тебя не ругаю. Ученики в наше время весьма умны и принимают реальность без особых проблем. Я отнюдь не смеюсь над тобой. Я разговариваю с тобой как с

взрослым, и мне кажется, что это правильно.

— Ученики в наше время, да? — Я невольно усмехнулся. До чего ж избитая фраза. Раздосадованный, я думал, чем ответить. Но заметив, что учительница смотрит прямо мне в глаза, лишь пожал плечами.

— Кажется, ты собирался что-то сказать. Наверно, что-то характерное для конибыё.

— ...Да ну.

— Не пойми неправильно, но я похвалила тебя на полном серьёзе. Мне нравятся люди, отстаивающие свои идеи. Пусть даже такие испорченные.

Слово «нравятся» меня просто ошарашило. И я начал пытаться подыскать слова, которыми можно ответить на столь непривычное заявление.

— И что ты, будучи таким испорченным, думаешь об Юкино Юкиносите?

— Стерва, — мгновенно отреагировал я. Чтоб она о стену убилась.

— Понятно, — грустно улыбнулась Хирацука. — Хотя она на редкость прекрасная ученица. Ну, те, кому многое дано, порой от этого и страдают. Но вообще-то, она очень добрая.

Это с какой стороны? Я недоумённо помотал головой.

— Наверно, это тоже своего рода «болезнь». Она добрая и порой искренняя. Но общество ни добрым, ни искренним не назовёшь. Наверняка ей приходится непросто.

— О её доброте и искренности не будем, а насчёт остального, думаю, большинство с вами согласится, — отреагировал я. Хирацука посмотрела на меня с видом «я так и думала».

— Что и следовало ожидать — вы полные противоположности. Меня беспокоит то, что у вас обоих вряд ли получится хорошо вписаться в общество. Потому-то я и решила свести вас вместе.

— Как в медицинский изолятор, да?

— Пожалуй. Люблю наблюдать за такими, как вы. Это весело. А может, просто хочу, чтобы вы сошлись поближе. — Она весело расхохоталась.

И как обычно взяла меня на приём рестлинга. Тоже, наверно, из манги набралась. Мои локти

противно хрустнули, упёршись в её грудь неслабых размеров.

...Блин. И не вырваться, как обычно. Раздражает, хотя давно пора было привыкнуть.

Да и уже, собственно.

Мелькнула мысль, что тут с полным правом можно говорить не «грудь», а «грудь».

× × ×

Когда мы дошли до спецкорпуса, учительница меня отпустила. Наверно, перестала бояться, что я убегу. Но всё равно постоянно поглядывала в мою сторону. И отнюдь не с сочувствием или нежеланием расставаться. Нет, с недвусмысленным намёком «Ты же понимаешь, что с тобой будет, если сбежишь?».

Я криво усмехнулся, спускаясь в коридор.

Мёртвая тишина и холодный, бросающий в дрожь, воздух.

По идее тут должны быть и другие клубы, но никаких признаков их присутствия я не видел. Никакого шума. То ли из-за того, что это отдельное здание, то ли из-за неё. Из-за воздействия холодной ауры Юкины Юкиноситы.

Я взялся за ручку двери. Открывать её, честно говоря, не хотелось, но и мысль о побеге мне претила. Главное — не позволять, чтобы её слова меня задевали. И не думать, что мы с ней в одной комнате наедине. Нет, мы здесь каждый сам по себе.

А если никаких отношений между нами нет, то я и не должен чувствовать неловкость или неудобство.

Итак: первый способ не пугаться остаться с ней наедине — «если видишь незнакомца, думай о нём как о незнакомце». Кстати, других способов нет.

Смушение — это результат грызущих мозги мыслей типа «а если я ничего не скажу...» или «а если я не попытаюсь с ней поладить...» Всё равно, что сидеть с кем-то рядом в поезде и думать «Чёрт! Мы же наедине! Это так смущает!».

Если я об этом не забуду, я со всем справлюсь. Хорошо бы она просто молча сидела и читала.

Я открыл дверь. Юкиносита сидела в той же позе, что и вчера, и читала книгу.

— ...

Хорошо, войти вошёл, а что сказать-то? В итоге просто кивнул и прошёл мимо.

Юкиносита мельком глянула на меня и снова уткнулась взглядом в книгу.

— Сидишь в такой дальней комнате... Тебя презирают?

Она полностью игнорировала меня, словно я невидим. Разве не это же я чувствую в классе?

— Странное приветствие. В каком племени такому учат?

— ...Добрый день, — пробормотал я заученные ещё в младшей школе слова. Юкиносита улыбнулась.

Пожалуй, я впервые увидел улыбку Юкино Юкиноситы. Понял, что когда она улыбается, у неё появляются ямочки на щёках и выглядывают клыки. Нет, может, она и красавица, но меня это совершенно не интересует.

— Добрый день. Я уж думала, ты не придёшь. — Нет, такая улыбка — это уже нечестная игра. Вроде «руки бога» Марадоны.

— Т-тоже мне, великое дело! Если бы я не пришёл, я бы проиграл, вот и всё! Т-так что не придумывай себе лишнего! — Это уже немного смахивает на разговор из романтической комедии. Только в роли парня она, а в роли девчонки — я. Тьфу.

Мне не показалось, что моя реплика её задела. С другой стороны, она продолжила, словно вообще меня не слышала.

— Когда кому-то устраивают такой разнос, обычно он больше не приходит... Ты мазохист?

— Нет...

— Значит, преследователь?

— Опять мимо. С чего ты решила, что я здесь ради тебя?

— А разве нет?

Стерва. Она качнула головой и изобразила смущение на лице. На милом лице! Только я на это

не куплюсь!

— Ага, щаз! Даже меня твоя самоуверенность пугает.

— Я так и думала, что тебе нравлюсь. — Заявила она без всякого удивления. И снова надела свою неизменную холодную маску.

Конечно, Юкиносита красива. Настолько, что даже я, у которого нет друзей и который ни с кем не общается, знает о ней. Очевидно, что она самая красивая девушка в школе.

Но её самонадеянность — это что-то ненормальное.

× × ×

Как можно быть такой наивной? У тебя каждый день день рождения? Или твой любовник — Санта Клаус? Иначе не было бы этой иллюзии счастья.

Если так пойдёт и дальше, это может плохо кончиться. Лучше бы ей остановиться, прежде чем она пройдёт точку невозврата.

Кажется, во мне проснулось сострадание. Я решил тщательно подобрать слова и высказаться обидками.

— Юкиносита. Ты ненормальная. Совсем психованная. Сделай себе лоботомию.

— Ты пытаешься заботиться о моём здоровье? — Юкиносита фыркнула и посмотрела на меня. Но её глаза не смеялись, они пугали.

Могла бы и спасибо сказать, что не назвал её бесполезным мусором. Чес-слово, не будь она такой милой, я бы ей врезал.

— Учитывая твоё социальное положение ниже плинтуса, я, конечно, могу показаться тебе странной. Но на самом деле думать, как думаю я — совершенно естественно. По опыту знаю.

Юкиносита хмыкнула, гордо пожимая плечами. И почему даже такой жест в её исполнении так здорово смотрится?

— По опыту, говоришь...

Должно быть, она намекает на опыт романтических отношений. Неудивительно, учитывая её внешность.

— Ты говоришь об очень весёлой школьной жизни... — Со вздохом пробормотал я.

— Да, да. Вот именно. Правильнее было бы сказать, что я веду очень мирную жизнь. — Ответила Юкиносита. Но почему-то отвела при этом взгляд, устремив его куда-то вдаль. И я увидел, как прекрасен гладкий контур от её подбородка к шее. Совершенно бесполезная информация, чёрт бы меня побрал.

И тут, кстати, я кое-что понял. То, что мог бы понять куда раньше, если бы смог сохранять хладнокровие. Не может эта прирождённая обитательница пьедестала поддерживать отношения с обычными людьми. А значит, и никакой мирной школьной жизни у неё быть не может.

Может, мне следовало бы спросить...

— Слушай, а друзья у тебя есть?

Юкиносита повернула голову.

— ...Давай для начала определимся, кто такой друг.

— Достаточно. Так говорят те, у кого друзей нет.

Уж я-то это знаю.

Ну, если серьёзно, я даже не представляю, где та граница, за которой уже можно говорить «друг». Объяснил бы мне кто, чем друзья отличаются от знакомых. Может, тот, кого ты встретил однажды — друг, а с кем встречаешься каждый день — родственник? Мучает меня этот вопрос.

Для начала хорошо бы разобраться с границей между друзьями и знакомыми. Особенно это девчонок касается.

Всех учеников в классе можно разделить на одноклассников, друзей и лучших друзей. Значит, можно и разобраться, в чём тут разница. Но что-то я отвлёкся.

— Ну, я так и предполагал, что друзей у тебя нет, так что это нормально.

— Я не говорила, что у меня нет друзей. Хотя будь это так, в этом бы не было ничего плохого.

— А, ну да. Конечно, ты права. — Быстро отреагировал я, заметив её презрительный взгляд. — Кстати, а почему у тебя нет друзей, тебя же вроде все любят?

Кажется, Юкиносита слегка рассердилась. Затем недовольно отвела глаза.

— ...Тебе не понять. — И надулась.

Конечно, мы с ней совершенно разные люди. И я совершенно не понимаю, о чём она думает. Мне и слова-то её понять сложно. Да, наверно, никогда мы друг друга не поймём, сколько ни старайся.

Хотя, пожалуй, кое-что насчёт Юкиноситы я понять могу — её одиночество.

— Вряд ли я не пойму, что ты пытаешься сказать. Быть одиночкой значит иметь много свободного времени для себя. Можно сказать, не так уж это и плохо.

— ...

Юкиносита глянула на меня, отвернулась и прикрыла глаза. Могу сказать по этому жесту, о чём она думает.

— Хоть тебе и нравится быть одиночкой, когда кто-то тебе сочувствует, это раздражает. Ну-ну.

— И почему ты ведёшь себя так, словно мы ровня? Вот это раздражает донельзя. — Юкиносита откинула волосы за спину, словно скрывая злость. — Ну, хоть мы и разного типа, но чувства в отношении одиночества, кажется, у нас более-менее схожи. Хоть это мне и не нравится. — И улыбнулась немного мрачно, но спокойно.

— Что значит разного типа... Быть одиночкой — это мой собственный выбор. Можешь называть меня королём одиночества. Хотя просто смешно, когда одиночкой меня зовёт кто-то вроде тебя.

— Это... смело смотреть в лицо обстоятельствам, даже зная, что это бесполезно...

Юкиносита изумлённо и немного ошарашенно посмотрела на меня.

— Тебя все любят, а ты зовёшь себя одиночкой. Ты просто позор одиночек всего мира. — Торжествующе заявил я.

Но Юкиносита презрительно расхохоталась.

— До чего упрощённый взгляд. Кажется, ты способен лишь на элементарные рефлексы, не затрагивающие мозг. Что ты можешь понять о ситуации, когда ты всем нравишься? Хотя и верно, такого ты никогда не испытывал. Извини, это я не учла.

— Если хочешь казаться вежливой, будь уж вежливой во всём. — Это просто внешняя вежливость, да? Натуральная стерва. — И что же значит быть популярным?

Юкиносита прикрыла глаза, словно задумавшись о чём-то. Затем кашлянула и заговорила.

— Столь непопулярному человеку, как ты, слушать это будет немного неприятно.

— Я этим давно уже по горло сыт, так что не переживай.

Юкиносита вздохнула.

И так хуже некуда. Я в самом деле уже накушался нашими разговорами. Словно сожрал чёрт знает сколько рамена.

— Я всегда была красавицей, так что все парни, с которыми я общалась, влюблялись в меня.

Сдаюсь. Это ещё две порции овощей поверх моего рамена. Но надо сделать вид, что всё в порядке. Сейчас нельзя просто встать и уйти. Я собрался с силами и терпеливо ждал, пока она продолжит.

— Кажется, это началось на последнем году младшей школы. И с тех пор... — Выражение лица Юкиноситы изменилось. Теперь на нём читалась лёгкая тоска.

Уже чуть более пяти лет. И что, чёрт побери, такого в том, чтобы привлекать внимание противоположного пола?

Честно говоря, за мои шестнадцать с небольшим лет противоположный пол относился ко мне лишь с отвращением, так что мне никогда этого не понять. Я даже от матери на Валентинов день шоколада не получал. Не понимаю я этот мир. Кажется, она из тех победителей по жизни. И я просто слушаю её долбаное хвастовство?

Но в том-то и дело, так?

Хоть и разница тут как между положительным вектором и отрицательным, было слишком жестоко ударить её своими подлинными чувствами. Это всё равно, что оказаться голым посреди бушующего шторма. Всё равно, что издеваться над ней прямо в классе.

× × ×

Я помню, как меня поставили к доске, а весь класс орал «Из-ви-няй-ся! Из-ви-няй-ся!» и хлопал в ладоши. Чертовски похоже.

...Это и правда тяжёлые воспоминания. Тогда я в первый и последний раз разревелся в школе.

Но сейчас со мной уже всё в порядке.

— Когда тебя все любят, это лучше, чем когда все ненавидят. Избаловалась ты. Совсем избаловалась. — Невольно пробормотал я, подгоняемый нахлынувшими воспоминаниями.

Юкиносита коротко вздохнула. Казалось, что она улыбается, но выражение лица было другим.

— Никогда не хотела, чтобы меня все любили. — И добавила, — Хотя если бы я действительно всем нравилась, это было бы хорошо.

— А? — Невольно переспросил я.

Юкиносита серьёзно посмотрела на меня.

— Если бы у тебя был друг, донельзя популярный среди девушек, что бы ты делал?

— Глупый вопрос. Друзей у меня нет, так что нечего об этом и беспокоиться. — Выдал я со всей убедительностью, как и положено мужику. Сам даже удивился, что так быстро отреагировал.

Кажется, Юкиносита тоже удивилась. Даже ненадолго потеряла дар речи.

— ...На секунду мне показалось, что ты сказал что-то и правда крутое. — Она положила руку на лоб и опустила голову. — Ну гипотетически представь себе такую ситуацию.

— Я бы его убил.

Не знаю, такого моментального ответа ждала Юкиносита от меня или нет, но она понимающе кивнула.

— Вот видишь, разве не попытался бы убрать такого человека? Как неразумное животное. Нет, в них было ещё меньше разума, чем в животных... В школе, в которую я ходила, было много таких. Жалкие типы, которые только тем и могут доказывать смысл своего существования. — Она коротко фыркнула.

Девушки, которых ненавидят другие девушки. Такие действительно существуют. Не впусую же я десять лет в школу ходил.

Я не был в центре всего этого, но изнутри всего и не разглядишь. Нет, именно потому, что я

наблюдал извне, я и смог это понять.

Юкиносита наверняка была в центре, и в результате враги окружали её со всех сторон. Могу представить, что она испытала.

— Когда я ходила в начальную школу, у меня раз шестьдесят крали школьные тапочки из шкафчика. И пятьдесят из них — девочки.

— А ещё десять?

— Три раза мальчишки. Два раза отбирал учитель. И ещё пять раз собаки.

— Что-то собак слишком много.

Я и представить себе такого не мог.

— Но это не самое неприятное.

— Я больше тебя не слушаю!

— В результате мне пришлось таскать сменную обувь домой. И флейту тоже. — Устало сказала Юкиносита. Я посмотрел на выражение её лица и невольно ощутил симпатию к ней.

Может, потому что мне довелось испытать нечто похожее? Когда я приходил в класс в час, когда там никого не было, чтобы поменять мундштук.

Мне действительно просто было её жаль.

Это правда. Правда. Хачиман. Не. Врёт.

— Должно быть, тебе было непросто.

— Да, непросто. Всё потому, что я красавица.

На сей раз я заметил её ироническую усмешку и совсем не почувствовал раздражения.

— Но тут ничего не попишешь. Люди несовершенны. Слабы, мерзки и завистливы, терпеть не могут никого, кто лучше их. Как ни странно, выдающимся людям всегда непросто жить в этом мире. Разве нет? Вот почему я хочу изменить этот мир и живущих в нём людей. — Юкиносита была предельно серьёзна, её холодный взгляд словно пронзал насквозь.

— Не слишком ли безрассудно класть все силы на такую непомерную цель?

— Может быть. Но это всяко лучше, чем твоя цель скукожиться, увянуть и сдохнуть...
Ненавижу, когда свои слабости пытаются выдать за достоинства.

Она уставилась в окно.

Юкино Юкиносита — красавица. Это чистая правда, которую я вынужден признать. Она безупречная ученица, отличница. Но у неё есть фатальная слабость — её характер, что уже совсем не так мило. И должна быть какая-то причина, из-за которой эта слабость и появилась.

Не собираюсь безрассудно верить всему, что говорит Хирацука, но у Юкиноситы при всех её достоинствах действительно есть проблемы.

Конечно, не так уж сложно было бы скрыть это, обманывая себя и окружающих. В большинстве своём люди так и поступают. Как те, кто хорошо учится, получают отличные оценки на экзаменах и говорят, что им просто повезло. Как плоские девицы, ревнующие к красавицам, называют тех уродливыми толстухами.

Но Юкиносита не такая.

Она никогда не обманывает себя.

Не могу не похвалить её за это. Потому что в этом плане мы одинаковы.

Юкиносита снова уткнулась взглядом в книгу.

Я смотрел на неё, и во мне поднималось странное чувство.

Мы с ней в чём-то похожи, я не мог этого не признать.

Окружающая нас тишина почему-то вдруг стала мне нравиться.

Моё сердце забило быстрее. Казалось, оно сейчас обгонит секундную стрелку и унесётся куда-то вдаль.

Значит...

Мы с ней...

— Слушай, Юкиносита... Если хочешь, я могу быть твоим...

— Извини, ни за что.

— Что? Я же ещё не договорил!

Юкиносита безжалостно оборвала меня. И вдобавок этот презрительный взгляд.

Эта девица совсем не милая. И пусть романтические комедии и всё такое катятся ко всем чертям.

<http://tl.rulate.ru/book/71927/3522984>